

Людмила ШУВАЛОВА:

Очевидно, я просто его

АКТРИСА, РЕЖИССЕР, СПУТНИЦА ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ВЛАДИСЛАВА СТРЖЕЛЬЧИКА РАССКАЗАЛА О ЖИЗНИ И О ТЕАТРЕ

13 ноября 85-летний юбилей отметила режиссер БДТ Людмила Шувалова. А в начале года, 16 января, исполнилось 60 лет с тех пор, как Людмила Павловна работает в БДТ. Она пришла актрисой вспомогательного состава, потом стала ассистентом режиссера, а после и режиссером.

Как о ней говорят коллеги, Людмила Павловна — человек совершенно незамеченный и самый внимательный к коллегам и к живому организму спектакля. Встретиться пришлось в ДК Горького — ведь БДТ сейчас в ремонте и театр переехал на Нарвскую.

«ДАВАЙ К НАМ»

— Людмила Павловна, вас все время спрашивают о вашем замечательном супруге Владиславе Игнатьевиче Стржельчике. А о вашей жизни почему-то речь не идет...

— Потому что обо мне нечего рассказывать! Пришла в театр, стала работать.

— Ну а все-таки? Как вы попали в театр? Сперва хотели стать именно актрисой?

— Мой папа был партийным работником. Его направили на работу в Горький. Потом там случился какой-то конфликт с обкомом, и папа подал заявление об уходе. А это был 43-й год, шла война. Его лишили брони и чуть не отправили на фронт. Но Москва взяла на работу в Совмин.

В Москве папа тоже получил двухкомнатную квартиру. А через несколько лет строился дом Совмина. И мама говорит: «Ты попросил бы квартиру побольше, у нас такая большая семья». Папа сказал: «Побойся Бога! Люди в подвалах живут. С какими глазами я пойду просить квартиру побольше, живя в таких условиях?»

В 45-м я вернулась в Горький, помогать маме собрать вещи. Иду по улице — смотрю, объявление: «Первый послевоенный набор в театральное училище города Горького». Я быстро нацарапала заявление, что хочу поступать к ним. Стала проходить отбор. И когда уже была зачислена — вернулась в Москву и все рассказала папе. «А где ты собираешься жить?» — «Что-нибудь сниму». Папа смилостивился, позвонил в Горький, и за мной оставили нашу квартиру.

Потом я попала в московский Театр транспорта — сейчас это Театр Гоголя. Начала там работать. Ушла в отпуск. Уехала в Сочи. Там были гастроли БДТ. И там мы познакомились с Владиславом Игнатьевичем. Подружились — интересно было друг с другом.

И я приехала к нему в гости в Ленинград на выходные. Он показывал мне город, возил в Петергоф, в Пушкин... Погода была дивная. Я приехала в пальто, а ходила просто в английском пиджачке. Все деревья стояли в золоте. Особенно Павловск меня впечатлил — оказалось, что это любимый парк Владислава Игнатьевича. Он о Павловске рассказывал так, будто это его родное имение.

Потом он приезжал ко мне в Москву. И произошло так, что вроде бы полюбили друг друга. Надо было что-то решать. Он сказал: «Я боюсь сейчас переводиться из Ленинграда. Давай ты к нам». И мне сделали перевод в БДТ.

МОЕЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КАРЬЕРЕ ВЛАДИК ТОЛЬКО МЕШАЛ

— Страшно было?

— Конечно! Чужой город, ни одного знакомого человека. Но самое главное — было страшно потерять московскую прописку. Меня, конечно, отговаривали. Папа сказал: «Ты понимаешь, что в Москве больше никогда не окажешься?»

Сцена из спектакля БДТ «Идиот» с Иннокентием Смоктуновским.

В БДТ все доставалось нелегко. В основных роли были небольшие, каких-то девочек, школьниц — или чей-то дубляж, замена. Очень сложная была жизнь. Молодежи тут было много, все всех знали. А я была чужой человек. И ситуацию осложняло то, что я приехала к Владиславу Игнатьевичу — это, конечно, раздражало.

Моей театральной карьере Владик, пожалуй, только мешал. Он же был ужасно ревнивый. В театре надо жить, надо общаться, дружить, быть раскрепощенным. А я принадлежала только семье. И если покочетничаю с кем-то пять минут — всё, святых выноси.

— А ему-то вы позволяли кокетничать?

— Попробуйте ему запретить! Хотя мне даже приятно было, что он всем нравится. А вот он был собственник.

Но при этом — очень легкий человек. Вся его энергия оставалась в театре. А дома он был простой, свободный, мягкий, добрый — и очень недисциплинированный. Я считала, что так и надо: у человека, который так напряженно работает, дома должна быть свобода. По четыре раза иногда приходилось накрывать стол: «Владик, обед подан!» — «Да, да, иду!» И не идет — увлекся чем-то. Но я на это смотрела спокойно.

— Сам не готовил?

— Ни боже сохрани! В быту был абсолютно неприспособленный человек. Так что я от него ни на шаг не могла отойти. Вот в шкафу все вещи уложены. Каждый раз: «Где взять? Дай мне майку». Ему это нужно было: полный комфорт дома, чтобы принадлежать театру целиком.

— А вы, получается, целиком принадлежали ему. Прямо как жена декабриста...

— Очевидно, я просто его любила. Никакого подвига здесь нет, просто чувство. И я видела, что в жизни он беспомощный, мне его хотелось опекать. Слово какой-то беззащитный ребенок. Обидеть его было очень

театре в таком положении находиться. Давайте попробуем ассистентскую работу». И это было правильное решение. Я почувствовала себя наконец нужной. И мне было очень интересно — так много я получила от Товстоногова.

Георгию Александровичу можно было сказать все что угодно во время репетиции. Если соглашался — моментально учитывал, поправлял актеров. Если нет — объяснял, почему я не права. Не отмахивался.

Сейчас вы к молодому режиссеру просто так подойти не можете — такие амбиции! И «самовыражение». А Товстоногов никогда не «самовыражался». Он ставил Шекспира, Пушкина. А не себя. Проще всего выпустить голых девочек — у нас красивых много. И публика валом повалит. Но зачем это надо?

Потом, Товстоногов безумно любил артистов. Понимал, что в театре главный человек — актер. И все спектакли были — актерские. Поэтому так тщательно распределялись роли, поэтому никогда не было второго состава. Других артистов в этих ролях он не видел. Если на такой-то роли Стржельчик или Луспекаев, никакой замены быть не может.

Сейчас с актерами, к сожалению, тоже проблема. Когда мы были молодыми, проблема денег вообще не стояла! Все жили скромно и ровно. А сейчас молодым людям, к сожалению, приходится зарабатывать. Я знаю тех, кто играет в сериалах. Видно, что профессия в них деградирует. Они и сами это понимают. Но говорят: «Зато у нас машина, дача, ребенок в хорошей школе».

«ВЕЛИКИЕ АРТИСТЫ — КАК ДЕТИ»

— Как вы стали режиссером?

В 79-м году ставили спектакль «Этот пылкий влюбленный» с Владиком и Алисой Бруновной Фрейдлих. А Георгий Александрович должен был ехать в Америку. И оставил на меня репетиции.

Потом он приехал. Мы ему показали первый акт. Он сказал: «Замечательно». А когда «Влюбленный» вышел, он меня велел указать режиссером спектакля. С тех пор я была утверждена в режиссуре.

— Вам словно было руководить такими великими артистами?

— Понимаете, великие артисты — они же дети. Поэтому они и великие. У них нет амбиций, они всегда слушаются, им обо всем можно сказать.

Может быть, если бы это были другие артисты — я бы и не справилась. Было бы недоверие с их стороны. А эти двое — они так любят свое дело, что раз Георгий Александрович поручил спектакль мне, то они и подчиняются. И у меня ни с Владиком, ни с Алисой не было ни одного конфликта.

Сейчас еще появилась такая неприятная тенденция ходить именно на известных актеров. Это очень мешает театру. А тогда такого не было, как и понятия «звезда». Был коллектив, был Большой драматический театр.

— А вам самой что-то хотелось поставить?

— Нет, таких амбиций у меня не было. Для самостоятельной работы надо владеть профессией — а я же режиссерского факультета не заканчивала. Знаю только то, что почерпнула у Георгия Александровича. Я

Людмила Павловна смолоду и по сей день — сама элегантность.

легко.

А конфликты бывали очень серьезные. Была ситуация, когда Владик хотел уходить из БДТ — кажется, ролей не давали. И уже в Москве хлопотали о квартире, перевозили туда контейнеры с вещами.

Дома я пыталась его убедить, что делать это опасно. Завоевать положение в новом коллективе будет сложно, тем более — народному артисту РСФСР. И в последний момент Москве было отказано. Хотя, конечно, я ничего бы не смогла сделать, если бы он сам не сомневался.

Конечно, Владика держала личность Георгия Александровича Товстоногова. Потом опять наступил сложный момент, когда ролей было мало — но Георгий Александрович уже был болен, слаб. И Владик не мог себе позволить бросить его, как ни звали из Москвы.

ПРОЩЕ ВСЕГО ВЫПУСТИТЬ НА СЦЕНУ ГОЛЫХ ДЕВОЧЕК. НО ЗАЧЕМ ЭТО НАДО?

— Ну а вы переживали, наверное, по поводу того, что на театр времени не хватает. И как выходили из положения?

— Я просто честно выполняла все то, что от меня требовал театр. А потом меня позвал к себе Георгий Александрович и сказал: «Люда, мне кажется, что вам трудно в